

Протестное поведение: индивидуальные и групповые факторы¹

Е.Р. Агадулина

кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

А.В. Ловаков

магистр психологии, преподаватель кафедры организационной психологии факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

Нормативные и ненормативные действия являются следствием различной оценки политической ситуации. В статье рассматриваются предикторы выбора нормативных (участие в митингах, подписание петиций и т. д.) и ненормативных (забастовки, физическое насилие и т. д.) форм протестных действий (восприятие несправедливости, самоэффективность, социальная идентичность, представления об аутгруппе). В результате анализа было показано, что высокая самоэффективность, представление о членах аутгруппы как о равноправных участниках взаимодействия, переживание чувства гнева приводят к выбору различных нормативных форм протестной деятельности. А низкая самоэффективность, устойчивая социальная идентичность (в том числе политизированная идентичность), переживание чувства презрения по отношению к членам аутгруппы чаще всего приводят к выбору ненормативных форм. В заключении статьи рассматривается связь различных предикторов с выбором индивидуальных и групповых форм протеста, а также анализируются возможные направления эмпирических исследований.

Ключевые слова: эмоции; социальная идентичность; самоэффективность; аутгруппа; протестное поведение.

В современной литературе под протестным поведением чаще всего понимаются действия, направленные на изменения существующего несправедливого положения, ущемляющего права членов группы [19]; [21]. Данные действия могут варьироваться от нормативных, соответствующих представлениям более широ-

кой социальной группы (например, подписание петиций, лоббирование, мирные митинги), до ненормативных, которые нарушают правила большинства (например, забастовки, саботаж, террористические акты) [4]. В целом тема коллективных действий, в том числе и протестных, привлекает внимание исследо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 13-06-00519 «Механизмы и факторы интенсивности протестной деятельности» (2013–2014 гг.)

вателей, начиная с 70-х годов XX века. Преимущественно авторы рассматривают три основных предиктора коллективных действий: воспринимаемая несправедливость и связанные с ней эмоции, социальная идентичность и самооффективность, взаимодействие которых описывается в рамках различных моделей коллективных действий [1]; [2]. В данной статье анализируется, как именно различные предикторы коллективных действий связаны с выбором различных форм протестных действий, как нормативных так и ненормативных.

Жизненный опыт и воспринимаемая несправедливость

Переживание чувства несправедливости является одним из основных предикторов протестного поведения и базируется на социальном сравнении и восприятии относительной депривации экономических, социальных и политических благ у индивидов и групп. Так как у большинства людей существует представление о том, что все имеют право на равные условия существования, любое неравенство (например, в возможности контролировать свою судьбу и судьбу других людей, в доступе к различным источникам информации (например, экспертному знанию) и даже в размере и статусе различных социальных групп) воспринимается как несправедливость. Исследователи выделяют два уровня восприятия несправедливости: микро-уровень, связанный с личным опытом индивида, и макро-уровень, относящийся к оценке ситуации, происходящей в обществе [11]. К микро-уровню, в частности, относится опыт взаимодействия внутри семьи индивида и с различными социальными института-

ми. Так, исследования показывают, что активисты протестных движений чаще всего жили либо в относительно привилегированных семьях, где отсутствовал жесткий контроль со стороны родителей, дети привлекались к решению семейных проблем, а родители занимали активную социальную позицию [8], либо в семьях с очень низким социальным статусом. В первом случае активная социальная позиция перенимается детьми как основной способ достижения социальных изменений, во втором — низкий социальный статус воспринимается людьми как основание для дискриминации со стороны членов других социальных групп, что и увеличивает вероятность участия в протестных действиях. Кроме того было показано, что различная мотивация [19], низкий уровень удовлетворенностью жизнью, недостаточное ощущение счастья [6] и в некоторых случаях низкий авторитаризм [8] усиливает восприятие социальной несправедливости на микро-уровне и тем самым увеличивает готовность участвовать в протестных действиях.

К макро-уровню восприятия несправедливости относятся дискриминация, несправедливость политических законов, социальное неравенство, несправедливое отношение со стороны руководителя, и т. д. При этом исследователи предполагают, что несправедливость, воспринимаемая на микро-уровне, в большей степени будет приводить к протестным действиям. При этом стоит отметить, что вероятность протестных действий увеличивается, если индивид не только воспринимает ситуацию как несправедливую, но и чувствует собственную эффективность в изменении сложившейся ситуации.

Самозффективность

Представление о своей эффективности связано с оценкой способности достижения желаемой цели, в частности, в социальной или политической сфере. Политическая самозффективность связана с особенностями политической системы, в рамках которой существует индивид. В частности, были получены данные о том, что чем больше партий входит в органы управления места, где проживает индивид, тем выше его самозффективность [5] и, как следствие, готовность принимать участие в протестных действиях. При этом сочетание высокой политической самозффективности и высокого уровня доверия к политическим институтам и власти в целом приводит к традиционным (нормативным) формам участия в политической жизни (участие в выборах, референдумах, местных органах самоуправления и т. д.), в то время как высокая политическая самозффективность и низкий уровень доверия к власти связан с участием в силовых и ненормативных действиях (например, протесты, забастовки и т. д.), направленных на социальные изменения [17]. Выбор ненормативных действий связан со стратегией, которую Шиперс и его коллеги назвали стратегией «нечего терять» [15], полагая, что группы с устойчиво низким социальным статусом, выбирают ненормативные действия, так как считают, что другими способами ситуацию изменить нельзя, а ненормативные действия (например, забастовки или нападения на представителей противодействующей стороны и т. д.) позволяют привлечь внимание большего количества людей к существующим проблемам и, как следствие, сильнее повлиять на общественное мнение [10]. Таким образом, даже если

индивид или группа воспринимает себя в качестве неэффективной и бессильной в решении текущих проблем, ненормативные действия могут обеспечить общественный и политический резонанс, и тем самым облегчить условия, которые могут привести к социальным изменениям в долгосрочной перспективе. Политическая самозффективность в большей степени влияет на готовность участвовать в протестных действиях в том случае, если индивид идентифицируется с группой, находящейся в ущемленном социальном положении.

Представление об аутгруппе

Исследования показывают, что люди с большей готовностью участвуют в протестных действиях, если считают, что кто-то ответственен за неблагоприятное положение их или других людей. Приписывание ответственности другим людям или группе приводит к простому и легкому объяснению для сложных социальных явлений (например, «банкиры жадные стремятся к личному обогащению, и поэтому на них лежит ответственность за экономические проблемы нашей страны»), т. е. обычно «мы» выступаем как невинные жертвы, а «они» как плохие парни.

Неоднократно было показано, что представления аутгруппы о действиях ингруппы, отличаются от того, как сами члены ингруппы интерпретируют свои действия [7]. Например, итальянские и английские полицейские воспринимают толпы, участвующие в протестных акциях, как гетерогенные, дихотомические (агрессивное меньшинство и внушаемое большинство), агрессивные, иррациональные и, как следствие, опасные. Следствием такого восприятия стано-

вится представление о том, что против толпы требуется использовать жесткие методы, и полиция не ответственна за начало и развитие конфликта между двумя сторонами [14]; [16]. Демонстранты со своей стороны считают, что занимают законным и ненасильственным протестом и дифференцируют себя от тех, кто ищет конфликта с полицией. При этом если полиция проявляет насилие в отношении демонстрантов (например, сдерживание или рассеивание толпы) — эти действия рассматриваются участниками митинга как основание для изменения отношения к «незаконным» действиям. Участники митингов или демонстраций начинают признавать за собой право законно коллективно противостоять действиям полиции [7], что часто приводит к выбору экстремальных способов взаимодействия с полицейскими. В результате подобной радикализации коллективных протестов обостряется восприятие несправедливости сложившейся ситуации, а так же усиливаются негативные эмоции по отношению к каждой из сторон взаимодействия, что в свою очередь еще больше обостряет протестные настроения.

Гнев и презрение рассматриваются исследователями как основные эмоции, вызывающие протестные действия, при этом гнев является предиктором нормативных действия, а презрение — ненормативных. Дж. Беккер с коллегами показали, что переживание гнева по отношению к аутгруппе не только предсказывает конкретные протестные действия индивидов, но и их готовность продолжать протестную активность в будущем, а вот презрение к аутгруппе — нет [3]. Это связано с тем, что данные эмоции имеют различные последствия для социальных

отношений. Так, гнев в основном приводит к краткосрочным действиям (например, словесным оскорблениям) и возникает в том случае, если между конфликтующими сторонами существуют достаточно близкие отношения, и, в конечном счете, они могут рассчитывать на примирение. Презрение же возникает в случае, когда стороны не ищут примирения и между ними возникает физическое и психологическое дистанцирование. Отсутствие желания сохранять социальные отношения с объектом, вызывающим презрение (например, правительство, полиция или любая другая аутгруппа), подрывает желание соблюдать социальные и моральные нормы в отношении противодействующей группы и, как следствие, приводит к выбору ненормативных протестных действий. Кроме того презрение часто возникает, когда гнев не позволяет разрешить предыдущий конфликт, что приводит к ухудшению социальных отношений.

Социальная идентичность

Идентификация с группой рассматривается в большинстве психологических работ как основной предиктор готовности присоединиться к протестному движению. В 2008 году М. ван Зомерен и его коллеги описали модель коллективных действий, в рамках которой предполагается, что социальная идентичность предсказывает протестные действия как непосредственно, так и опосредованно через воспринимаемую несправедливость и оценку вероятности успеха коллективных действий группы (самоэффективность) [20]. Идентичность связана с выбором протестных действий в том случае, если положение группы воспринимается как критическое, а предпола-

гаемые действия группы рассматриваются как эффективные [12]. Если же протестное поведение не будет восприниматься как эффективный способ решения проблем (выгода от них будет низкой, а затраты высокие), даже сильная идентификация с группой не приведет к протесту. В данном случае группа вероятнее всего будет выбирать неконфронтационные способы для решения сложившихся проблем или изменения ситуации (например, переговоры, пожертвование и т. д.). В целом идентификация с группой более значима для тех индивидов, которые собираются бороться за свои права и только в том случае, если она является сильной и устойчивой, т. е. люди в группе в большинстве ситуаций рассматривают себя именно как членов этой группы [18]. Именно сила и устойчивость социальной идентичности связаны с выбором нормативных и ненормативных видов протеста. Опросив респондентов, участвующих в акциях по сохранению окружающей среды и движения за мир, авторы выявили, что участники, которые сильно идентифицировались с социальными движениями, чаще выбрали жесткие и ненормативные формы протеста (забастовки, участие в агрессивных митингах и т. д.), в то время как участники с не высокой идентификацией останавливались на мягких и нормативных формах (подписание петиции, лоббирование и т. д.) [4]; [9]; [21].

При этом важно отметить, что нормативные и ненормативные протестные действия в свою очередь так же влияют на идентичность индивида. Совершение индивидами радикальных ненормативных действий (например, террористических акций, акций вандализма и т. д.) от имени более широкой социальной груп-

пы может привести к дезидентификации с данной группой. Это происходит в том случае, если совершаемые действия не соответствуют групповой норме — действиям, которые поддерживаются большинством представителей группы. Например, достаточно часто радикальные исламисты совершают террористические акты от имени всех мусульман. Мусульмане в ответ на такие действия чаще всего не признают истинными мусульманами террористов, что в свою очередь приводит к тому, что люди, совершившие ненормативные действия, перестают идентифицировать себя с обобщенной группой мусульман, и воспринимает себя как отдельную политическую или религиозную группу [3]. Схожие результаты были получены при исследовании германских студентов, участвующих в радикальных действиях против повышения оплаты обучения. Ненормативные акции протеста и последующая за ними реакция общественности привели к тому, что протестующие перестали идентифицировать себя с группой «студенты», а стали относить себя к группе политических активистов.

Результаты многочисленных исследований показывают, что каждый из этих предикторов имеет свой вклад в предсказание протестного поведения индивида. Однако проведенный Ван Зомеренен и коллегами мета-анализ показал, что несмотря на важность каждого из трех проверяемых предикторов (несправедливость, инструментальность протестных действий и идентичность), центральную роль все-таки играет уровень идентификации. Идентификация предсказывает участие в коллективных протестных действиях как напрямую, так и непосредственно [20].

Вместо заключения

Исследования протестного поведения крайне важны и актуальны в современном мире. Выделение, описание и эмпирическое исследование влияния различных предикторов на выбор протестных форм поведения все шире представлены в современной психологической литературе. Как уже упоминалось выше, представленные в статье предикторы чаще всего объединяются авторами в различные модели коллективных действий (более подробно см. [1]). При этом существует достаточное количество исследований, в которых отдельные личностные характеристики, различные групповые и ситуационные факторы так же рассматриваются как предикторы протестного поведения вне контекста тех или иных моделей коллективных действий. Нарастающее количество различных эмпирических данных ставит задачу разработки новых классификаций и моделей взаимодействия между различными предикторами выбора определенных форм протестных действий. Эта задача наиболее актуальна, так как большинство предыдущих исследований ориентировались на исследование нормативных форм протестных действий, а ненормативные действия стали предметом исследования только в последнее время.

Отдельная задача состоит в том, чтобы описать различия в выборах индивидуальных и групповых форм протеста. В частности, если обратиться к представленным в статье предикторам протестного поведения, можно предположить, что результатом индивидуального участия в протестной деятельности может быть осознание своей социальной идентичности — прояснение своих ценностей и приоритетов, в частности связанных с тем, как индивид относится к различным ситуациям политической и социальной несправедливости. Достаточно

часто индивид может сталкиваться с различными ситуациями, которые вызывают сильную эмоциональную реакцию (например, стихийные бедствия). Если при этом он будет считать, что способен эффективно повлиять на изменение ситуации (пожертвование, юридическая помощь, протест и т. д.), его идентичность может меняться, что повлечет за собой определенные действия, например, вступление в группу волонтеров, участие в массовых протестах и т. д. Таким образом, и эмоции, и представление о самоэффективности могут способствовать пониманию того, кем именно является индивид.

Если же речь идет о групповых формах протеста, то исходным пунктом будет выступать социальная идентичность, которая может «подсказывать» индивиду ситуации, которые являются несправедливым по отношению к ингруппе, а какие нет, а также указывать на то, какой эффективностью обладает группа в решении тех или иных вопросов. Т. Постмес с коллегами утверждают, что социальная идентичность лежит в основе восприятия несправедливости по отношению к ингруппе, так как общее представление о том, что группа в связи с определенными обстоятельствами находится в более ущемленном положении, чем другие социальные группы, является элементом «общей судьбы» [13]. Воспринимаемая несправедливость в свою очередь порождает определенного рода эмоции (чаще всего негативные), представления об эффективности конкретных протестных действий, представления о членах аутгруппы (чаще всего группа, против которой осуществляется протест). Достаточно часто в результате группового протеста идентичность членов группы политизируется, что еще больше увеличивает вероятность повторного участия в протестных действиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агадуллина Е.Р. Коллективные действия: Предикторы и модели // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 42—51.
2. Агадуллина Е.Р., Котова М.В. Современные модели коллективных действий // Современная социальная психология: Теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 4. С. 15—24.
3. Becker J.C., Tausch N., Wagner U. Emotional consequences of collective action participation: Differentiating self-directed and outgroup-directed emotions // Personality and Social Psychology Bulletin. 2011. Vol. 37, Iss. 12. P. 1587—1598.
4. Brunsting S., Postmes T. Movement participation in the digital age: Predicting offline and online collective action // Small group research. 2002. Vol. 33, Iss. 5. P. 525—554.
5. Corcoran K.E., Pettinicchio D., Young J.T.N. The context of control: A cross-national investigation of the link between political institutions, efficacy, and collective action // British journal of social psychology. 2011. Vol. 50, Iss. 4. P. 575—605.
6. Dalton R., Van Sickle A., Weldon S. The individual-institutional nexus of protest behaviour // British journal of political science. 2009. Vol. 40, Iss. 1. P. 51—73.
7. Drury J., Reicher S. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // British journal of social psychology. 2000. Vol. 39, Iss. 4. P. 579—604.
8. Duncan L.E. Motivation for collective action: Group consciousness as mediator of personality, life experience and women's rights activism // Political Psychology. 1999. Vol. 20, Iss. 3. P. 611—635.
9. Giguere B., Lalonde R.N. Why do students strike? Direct and indirect determinants of collective action participation // Political psychology. 2010. Vol. 31, Iss. 2. P. 227—247.
10. Hornsey M.J. The impact of individualist and collectivist group norms on evaluations of dissenting group members / M.J. Hornsey, J. Jetten, B. McAuliffe, M.A. Hogg // Journal of experimental social psychology. 2006. Vol. 42, Iss. 1. P. 57—68.
11. Kawashima N. Multiple levels of perceived fairness and social protests: Effects of the immutability belief, social efficacy, and estimated costs / N. Kawashima, K.-I. Ohbuchi, T. Kumagai, N. Asai // Research in Social Psychology. 2012. Vol. 27, Iss. 2. P. 63—74.
12. Opp K.-D. Collective identity, rationality and collective political action // Rationality and society. 2012. Vol. 24, Iss. 1. P. 73—105.
13. Postmes T. Comparative processes in personal and group judgments: resolving the discrepancy / T. Postmes, N.R. Branscombe, R. Spears, H. Young // Journal of personality and social psychology. 1999. Vol. 76, Iss. 2. P. 320—338.
14. Prati G., Pietrantonio L. Elaborating the police perspective: The role of perceptions and experience in the explanation of crowd conflict // European journal of social psychology. 2009. Vol. 39, Iss. 6. P. 991—1001.
15. Scheepers D. The social functions of in-group bias: creating, confirming, or changing social reality / D. Scheepers, R. Spears, B. Doosje, A.S.R. Manstead // European review of social psychology. 2006. Vol. 17, Iss. 1. P. 359—396.
16. Stott C., Reicher S. Crowd action as intergroup process: introducing the police perspective // European journal of social psychology. 1998. Vol. 28, Iss. 4. P. 509—529.

17. *Tausch N.* Explaining radical group behavior: Developing emotion and efficacy routes to normative and nonnormative collective action / N. Tausch, J. C. Becker, R. Spears, O. Christ, R. Saab, P. Singh, R.N Siddiqui // *Journal of personality and social psychology*. 2011. Vol. 101, Iss. 1. P. 129—148.
18. *Thomas E.F., McGarty C., Mavor K.I.* Aligning identities, emotions, and beliefs to create commitment to sustainable social and political action // *Personality and social psychology review*. 2009. Vol. 13, Iss. 3. P. 194—218.
19. *Tropp L.R., Brown A.C.* What benefits the group can also benefit the individual: group-enhancing and individual-enhancing motives for collective action // *Group processes & intergroup relations*. 2004. Vol. 7, Iss. 3. P. 267—282.
20. *Van Zomeren M., Postmes T., Spears R.* Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134, Iss. 4. P. 504—535.
21. *Veenstra K., Haslam A.* Willingness to participate in industrial protest // *British journal of social psychology*. 2000. Vol. 39, Iss. 2. P. 153—172.

Protest behavior: Individual and group factors.

The study is supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation (RGNF), project № 13-06-00519(2013-2014)

E.R. Agadullina

candidate of psychological sciences, associate professor of the chair of organizational psychology, faculty of psychology, National research University "Higher school of economics", Moscow

A.V. Lovakov

master of psychology, lecturer of the chair of organizational psychology, faculty of psychology, National research University "Higher school of economics", Moscow

Normative and nonnormative collective actions are the consequence of differences in estimation of political situation. The article regards the predictors in selection of normative (participation in meetings, signing petitions, etc.) vs. nonnormative (strike, violent actions, etc.) forms of protest behavior (perception of unfairness, self-efficacy, social identity, ideas of out-group). The carried out analysis showed that high self-efficacy, idea of out-group members as equal participants of interaction and experiencing of emotion of anger lead to the choice of various normative protest behavior. Low self-efficacy, steady social identity (including politicized identity), experiencing the emotion of contempt to out-group members often lead to choice of nonnormative forms. In conclusion the article regards the link of various predictors with the choice of individual and group forms of protest and analyzes the possible directions for further empirical studies.

Keywords: emotions; social identity; self-efficacy; out-group; protest behavior.

REFERENCES

1. *Agadullina E.R.* Kollektivnye deistviia: Prediktory i modeli // Sotsial'naia psikhologiiia i obshchestvo. 2013. № 3. S. 42—51.
2. *Agadullina E.R., Kotova M.V.* Sovremennye modeli kollektivnykh deistvii // Sovremennaia sotsial'naia psikhologiiia: Teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniia. 2012. № 4. S. 15—24.
3. *Becker J.C., Tausch N., Wagner U.* Emotional consequences of collective action participation: Differentiating self-directed and outgroup-directed emotions // Personality and Social Psychology Bulletin. 2011. Vol. 37, Iss. 12. P. 1587—1598.
4. *Brunsting S., Postmes T.* Movement participation in the digital age: Predicting offline and online collective action // Small group research. 2002. Vol. 33, Iss. 5. P. 525—554.
5. *Corcoran K.E., Pettinicchio D., Young J.T.N.* The context of control: A cross-national investigation of the link between political institutions, efficacy, and collective action // British journal of social psychology. 2011. Vol. 50, Iss. 4. P. 575—605.

6. Dalton R., Van Sickle A., Weldon S. The individual-institutional nexus of protest behaviour // *British journal of political science*. 2009. Vol. 40, Iss. 1. P. 51—73.
7. Drury J., Reicher S. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British journal of social psychology*. 2000. Vol. 39, Iss. 4. P. 579—604.
8. Duncan L.E. Motivation for collective action: Group consciousness as mediator of personality, life experience and women's rights activism // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20, Iss. 3. P. 611—635.
9. Giguere B., Lalonde R.N. Why do students strike? Direct and indirect determinants of collective action participation // *Political psychology*. 2010. Vol. 31, Iss. 2. P. 227—247.
10. Hornsey M.J. The impact of individualist and collectivist group norms on evaluations of dissenting group members / M.J. Hornsey, J. Jetten, B. McAuliffe, M.A. Hogg // *Journal of experimental social psychology*. 2006. Vol. 42, Iss. 1. P. 57—68.
11. Kawashima N. Multiple levels of perceived fairness and social protests: Effects of the immutability belief, social efficacy, and estimated costs / N. Kawashima, K.-I. Ohbuchi, T. Kumagai, N. Asai // *Research in Social Psychology*. 2012. Vol. 27, Iss. 2. P. 63—74.
12. Opp K.-D. Collective identity, rationality and collective political action // *Rationality and society*. 2012. Vol. 24, Iss. 1. P. 73—105.
13. Postmes T. Comparative processes in personal and group judgments: resolving the discrepancy / T. Postmes, N.R. Branscombe, R. Spears, H. Young // *Journal of personality and social psychology*. 1999. Vol. 76, Iss. 2. P. 320—338.
14. Prati G., Pietrantonio L. Elaborating the police perspective: The role of perceptions and experience in the explanation of crowd conflict // *European journal of social psychology*. 2009. Vol. 39, Iss. 6. P. 991—1001.
15. Scheepers D. The social functions of in-group bias: creating, confirming, or changing social reality / D. Scheepers, R. Spears, B. Doosje, A.S.R. Manstead // *European review of social psychology*. 2006. Vol. 17, Iss. 1. P. 359—396.
16. Stott C., Reicher S. Crowd action as intergroup process: introducing the police perspective // *European journal of social psychology*. 1998. Vol. 28, Iss. 4. P. 509—529.
17. Tausch N. Explaining radical group behavior: Developing emotion and efficacy routes to normative and nonnormative collective action / N. Tausch, J. C. Becker, R. Spears, O. Christ, R. Saab, P. Singh, R.N. Siddiqui // *Journal of personality and social psychology*. 2011. Vol. 101, Iss. 1. P. 129—148.
18. Thomas E.F., McGarty C., Mavor K.I. Aligning identities, emotions, and beliefs to create commitment to sustainable social and political action // *Personality and social psychology review*. 2009. Vol. 13, Iss. 3. P. 194—218.
19. Tropp L.R., Brown A.C. What benefits the group can also benefit the individual: group-enhancing and individual-enhancing motives for collective action // *Group processes & intergroup relations*. 2004. Vol. 7, Iss. 3. P. 267—282.
20. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134, Iss. 4. P. 504—535.
21. Veenstra K., Haslam A. Willingness to participate in industrial protest // *British journal of social psychology*. 2000. Vol. 39, Iss. 2. P. 153—172.